

интересная характеристика Эрнести, что приведем этот текст полностью:

Иоган Август Эрнест, кой слов сих автор был,
Единым жизнь свою наукам посвятил.
Рекой его словес весь Лейпциг напойлся.
Оратор... Философ... так всяк об нем ручался!
Мне мысль пришла его пять слов переложить,
Отчеству любовь и музам чтоб явить.
Не может перевод быть подлиннику равен,
А посему нельзя, чтоб он и был всем нравен.
Хотел, однако, я, когда переводил,
Понятнее Эрнест учащимся чтоб был.
А вы, которым нет в сем нужды переводе,
Вы сами знаете, колик Эрнест в том роде,
Един кой мудрыми витиями творит.
Любезно вам, что так и росс его ныне чтит.¹⁴

Обращает на себя внимание, что заслуги Эрнести связываются прежде всего именно с областью красноречия, а не теологии. При этом восхищение переводчика вызывает Эрнести-оратор, а не Эрнести — автор риторики. Возможно, что такой подход подсказан самим содержанием речей Эрнести. Особенно замечательна в этом отношении «Речь II, говоренная пред вступлением в должность профессора риторики, 4 августа 1756 года», носящая подзаголовок «О том, что сердце делает нас красноречивыми».

Делясь со слушателями своими размышлениями о «правилах красноречия, начертанных великими мужами, и о причинах, силу и употребление их в сказывании речей», немецкий профессор признает справедливым высказывание Квинтилиана о том, что «прямое красноречие рождается от святости и великости духа и что сердечное чувство делает нас обильными в слове».¹⁵ Это положение Эрнести развивает очень подробно: он предпочитает, чтобы речь «не была украшена пышными и отборными словами», но чтобы она имела «естественную красоту». На первом плане для этого теоретика красноречия — содержание, смысл, говоря его собственными словами, — «дух» речи. «Лучше мне желательно иметь в речи Цицеронов дух без его слов, нежели все слова без его духа»,¹⁶ — вот кредо немецкого профессора.

Подобные идеи оказываются во многом чрезвычайно близки Радищеву. Сомневаясь в том, что можно научить искусству красноречия с помощью риторик, Радищев считает, что важно усвоить не внешние приемы, а самый дух речей выдающихся ораторов. Вспоминая о слове Платона Левшина на победу под Чесмою в 1770 г., писатель заявляет: «... тогда бы и я вещал к Ломоносову, зри, зри и здесь твое насаждение. Но если он слову мог тебя научить... В Платоне душа Платона, и да восхитит и увидит нас, тому учило его сердце» (I, 390).

¹⁴ Эрнести И. А. Дар любителям наук. М., 1793, с 7 (ненум.).

¹⁵ Там же, с. 51—52.

¹⁶ Там же, с. 58—59.